

ОДИССЕЙ

человек в истории

Исторический синтез и научное наследие А.Я. Гуревича

В этом номере:

Скандинавская мифология

История и литература

Историческая география

2025 №1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Исторический синтез
и научное наследие А.Я. Гуревича*

2025
№1

Москва
ИВИ РАН 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS Man in History

*Historical Synthesis
and the Scholarly Legacy of A. Ya. Gurevich*

2025
№1

Moscow
IWH RAS 2025

УДК 94

ББК 63.3(0)

О 42

Издание основано в 1989 году

А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.), Н.А.
БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь), О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А.
ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.; отв. ред.), О.В. ОКУНЕВА, М.Ю.
ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО, Л.П. РЕПИНА, Ж.-К.
ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук А.И. СИДОРОВ
кандидат исторических наук Н.А. СМЕРНОВА

Одиссей. Человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989.–

ISSN 1607-6184

2025. №1 (34): Исторический синтез и научное наследие А.Я. Гуревича / [гл. ред.
А.О. Чубарьян; отв. ред. С.И. Лучицкая]. - М.: ИВИ РАН, 2025. - 354 с.

Весь настоящий выпуск журнала «Одиссей. Человек в истории» посвящён материалам конференции, состоявшейся осенью 2024 г. и приуроченной к 100-летию со дня рождения выдающегося российского учёного, одного из ведущих представителей «новой исторической науки» XX века — А.Я. Гуревича. Тематика конференции охватывала широкий круг вопросов, связанных с творческим наследием учёного: от скандинавистики и социальной и культурной истории средневековой Европы до исторической теории и изучения самой истории исторического знания. Публикуемый том отражает богатство и многообразие научных интересов А.Я. Гуревича и демонстрирует жизнеспособность и актуальность созданного им направления — исторической антропологии.

Издание адресовано специалистам в области гуманитарных наук, студентам, а также всем, кто интересуется историей и современными подходами к её изучению.

© Коллектив авторов, 2025

© Лучицкая С.И., отв. ред. выпуска, 2025

© Институт всеобщей истории РАН, 2025

Оглавление

А.Я. Гуревич и Историческая Антропология

«Человек в истории»: гуманистические аспекты исследовательской парадигмы А.Я. Гуревича в работах 1970—2000-х гг. 9

Бычков П.С.

«Проблемы средневековой народной культуры» и полемика о смехе на Руси 28

Трахтенберг Л.А.

Исследования истории ереси и инквизиции как направление в современной историографии 51

Бакус Г.В.

Некоторые замечания о проблематике понятия «Другого» у А.Я. Гуревича и в современных общественных науках 81

Левинсон К.А.

Картины мира и стили мышления в средневековой Европе: постановка проблемы 95

Воскобойников О.С.

Скандинавская Мифология

Время древнескандинавской мифологии 123

Мельникова Е.А.

«Прядь о Торстейне Морозе»: инфернальное, страх и смех в отхожем месте (Эпоха викингов и Средневековый Восток) 145

Петрухин В.Я.

Древнеисландское «Видение Раннвейг» в контексте переводных скандинавских видений 161

Матюшина И.Г.

История и Литература

Средневековый мотив «адской охоты»: от ехемпла к новелле.....191
Стаф И.К.

«Книга путешествий» Джона Мандевиля и ее английские критики
 XVII в. 209
Тогоева О.И.

Николай Греч как русский Нодье? Эпизод из истории русско-фран-
 цузских литературных отношений 226
Мильчина В.А.

Из Истории Повседневной Жизни

Парижане под надзором полиции: деятельность секретных агентов
 во второй половине XVIII в. 243
Пименова Л.А.

Советские медиевисты в роли идеологов: Е.А. Косминский на посту
 главного редактора журнала «News» в 1952–1956 гг. 264
Шарова А.В.

Историческая География

Рождение *Норвегии* в географическом воображении допетровской
 России 301
Толстиков А.В.

Хроника Научной Жизни

Конференция, посвященная 100-летию А.Я. Гуревича, 30 октября
 — 1 ноября 2024 г., ИВИ РАН 335
Лучицкая С.И.

Об Авторах

Abstracts

Contents

A.Ya. Gurevitch and Historical Antropology 9

«Man in History»: Humanistic Aspects of the Research Paradigm of
A.Ya. Gurevich in His Works of the 1970—2000s
P.S. Bychkov 9

«Mediaeval Popular Culture» and the Discussion about Laughter in
Old Rus'
L.A. Trakhtenberg 28

Heresy and Inquisition Studies as a Trend in Recent Historiography
G.V. Bakus 51

Some Remarks on the Trajectories of the Concept of the «Other» in
the Humanities of the Late 20th century
K.A. Levinson 81

Worldviews and Styles of Thought in Medieval Europe: Framing the
Problem
O.S. Voskoboinikov 95

Old Norse Mythology 123

Time in the Old Norse Mythology
E.A. Mel'nikova 123

The Tale of «Thorsteinn the Frost»: Infernal, Fear and Laugh in the
Latrine (Viking Age and Medieval East)
V.Ya. Petrukhin 145

Leizla Rannveigar in the Context of Old Norse Translated Visions
I.G. Matyushina 161

History and Literature 191

The «Hell-Hunting» Motif: Exempla and Novella
I.K. Staf 191

The «Book of Travels» by John Mandeville and its English Critics of the 17 th century <i>O.I. Togoeva</i>	209
---	-----

Nikolai Grech as a russian Nodier? An Episode from the History of Russian-French Literary Relations <i>V.A. Milchina</i>	226
---	-----

From the History of Everyday Life 243

Parisians under Supervision: The Activities of Secret Police Agents in the Second Half of the 18 th Century <i>L.A. Pimenova</i>	243
--	-----

Soviet Medievalists as the Ideologists: E.A.Kosminski as Editor-in-Chief of «News» Magazine in 1952-1956s. <i>A.V. Sharova</i>	264
---	-----

Historical Geography 301

The Birth of 'Norway' in Pre-Petrine Russia's Geographical Imagination <i>A.V. Tolstikov</i>	301
---	-----

Chronicle of Sclary Life 335

The Conference in Honor of 100 th Anniversary of A.Ya. Gurevitch, Okt. 30 — Nov. 1, 2024. IWH RAS, Moscow <i>S.I. Luchitskaya</i>	335
---	-----

List of Authors 341

Abstracts 345

«Проблемы средневековой народной культуры» и полемика о смехе на Руси

Трахтенберг Л. А.

DOI: 10.32608/1607-6184-2025-34-1-2

Аннотация: Статья посвящена дискуссии о древнерусском смехе в 1970-х гг. и суждению А. Я. Гуревича по этому вопросу в монографии «Проблемы средневековой народной культуры». Источником спора стала книга М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», проблематизировавшая смех как культурный феномен. При этом полемика шла не по бахтинскому пути: ее центральной проблемой оказалась включенность смеха в парадигму средневекового религиозного мировидения.

Начало дискуссии положил Д. С. Лихачев статьей «Древнерусский смех». За ней последовала книга Д. С. Лихачева и А. М. Панченко «Смеховой мир Древней Руси». Переосмысливая концепцию Бахтина, Лихачев выдвинул тезис о том, что специфика средневекового смеха — в направленности на субъект, а не на объект осмеяния; это устраняло внутреннюю конфликтность *parodia sacra*.

Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский в рецензии на эту книгу, называвшейся «Новые аспекты изучения культуры Древней Руси», предложили противоположную интерпретацию: смех на Руси всегда считался греховным, а поведение, противостоящее религиозной норме, выражало вызов ей (тем самым становясь формой ее утверждения «от противного»); если оно связывалось со смехом, то это был смех безрадостный, лишенный комизма. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский утверждали, что такое отношение к смеху специфично для русской культуры, не знающей середины между крайностями святости и греха; культуру Запада они считали возможным описать с помощью бахтинской модели.

А. Я. Гуревич показал, что и в западноевропейской средневековой культуре смех над сакральным не отменял страха перед ним,

становясь выражением амбивалентного, напряженно-конфликтного мироощущения. В этом отношении культуры Древней Руси и средневекового Запада были близки; национальных различий между ними было меньше, чем обусловленного общностью эпохи сходства.

Ключевые слова: дискуссии в гуманитарной науке 1970-х — 1980-х гг., российская медиевистика, теоретические проблемы историографии Древней Руси, средневековая ментальность, смеховая культура, пародия, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, А.Я. Гуревич.

В книге Арона Яковлевича Гуревича «Проблемы средневековой народной культуры» русскому обществу посвящена лишь сноска. Она находится на последних страницах последней главы, непосредственно предшествующих заключению¹. Такое расположение существенно: оно подчеркивает важность высказанных там идей. Это продолжение дискуссии о древнерусском смехе, развернувшейся за несколько лет до выхода книги. Участниками полемики были Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский². Задача статьи — реконструировать ход спора, прокомментировать некоторые его подтексты и показать, что нового внесло в дискуссию выступление А. Я. Гуревича.

Истоком полемики стала книга М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»³. Именно она привлекла внимание советских ученых к смеху как феномену культуры⁴. Конечно, и раньше создавались работы на эту тему, в том числе о его роли в древнерусской культуре. Еще в 1869 г. И. Е. Забелин рассуждал о смехе в книге «Домашний быт русских цариц» — в главе, посвященной древнерусским домашним забавам, в частности обычаю содержать шутов⁵. Там он сформулировал концепцию «допетровского смеха». Впрочем, с ней постбахтинские теории смеха оказались несходны. Забелин видел в допетровском смехе протест против стеснений, налагавшихся на человека условиями древнерусской жизни, но протест бесплодный, ничего не способный

¹ Гуревич. 1981: 324 — 325.

² Об этой полемике см.: Серман. 2003: 15 — 18; Паньков. 2005: 60 — 61; Петрухин. 2005: 81 — 82; Бобров. 2014: 6 — 9.

³ Бахтин. 1965. Об истории создания и публикации книги см.: Паньков. 2009: 91 — 355; Попова. 2009: 7 — 108, а также статью и комментарии И. Л. Поповой в изд.: Бахтин. 2008: 841 — 924; Бахтин. 2010: 530 — 590.

⁴ Гуревич. 2004: 190 — 192.

⁵ Забелин. 1869: 417 — 418.

изменить. Всякое положительное значение этого смеха Забелин отрицал, противопоставляя ему смех Петра I, служивший орудием проводимых царем преобразований. Во второй половине XX в. об этой концепции уже почти не вспоминали; обсуждение вопроса о смехе теперь было связано с именем Бахтина.

В книге М. М. Бахтина о Рабле почти нет русского материала — есть лишь краткое упоминание о смехе при дворе Ивана Грозного. В первоначальном варианте, подготовленном в 1940 г. как диссертация, этот материал был представлен шире. Сам по себе он был преимущественно не средневековым: в заключении работы речь шла о традициях народной смеховой культуры у Гоголя, знакомого с ними благодаря фольклору⁶. Но предполагалось, что истоки смехового фольклора уходят глубоко в прошлое. В 1970 г., согласно авторской датировке, Бахтин на основе исключенного из диссертации фрагмента подготовил статью «Рабле и Гоголь», которая вышла в 1973 г. в сборнике «Контекст»⁷. Как видно из этой работы, Бахтин не видел принципиальных различий между традициями смеха на Западе и в России.

Д. С. Лихачев предложил концепцию древнерусского смеха в статье, которая так и называлась — «Древнерусский смех». Она была опубликована в сборнике «Проблемы поэтики и истории литературы», вышедшем в том же 1973 г. и посвященном двойному юбилею Бахтина — 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности⁸. Вскоре эта статья стала основой монографического исследования «Смех как мировоззрение», которое было издано в 1976 г. в составе книги «Смеховой мир Древней Руси»⁹. Помимо работы Лихачева, в эту книгу вошло исследование А. М. Панченко «Смех как зрелище», посвященное древнерусскому юродству¹⁰.

Как и у Бахтина, предметом исследования у Лихачева стал

⁶ Бахтин. 2008: 501 — 505.

⁷ Бахтин. 1973.

⁸ Лихачев. 1973.

⁹ Лихачев, Панченко. 1976: 7 — 90.

¹⁰ В 1984 г. новый вариант книги вышел под названием «Смех в древней Руси» (Лихачев, Панченко, Поньрко. 1984). Помимо тех же работ Д. С. Лихачева и А. М. Панченко, книга включала новое предисловие, исследование Н. В. Поньрко «Святочный и масленичный смех», а также произведения смеховой литературы, ставшие предметом анализа в работе «Смех как мировоззрение».

смех как феномен культуры, выраженный в разных формах — как в слове, так и в действии. Основным материалом была литература — в данном случае русская пародия допетровской эпохи: это такие памятники, как «Калязинская челобитная», «Лечебник на иноземцев», «Служба кабаку» и т. д.¹¹ Но было уделено внимание и смеховому поведению. Этой теме была посвящена значительная часть главы «Лицедейство Грозного. К вопросу о смеховом стиле его произведений». В ней рассматривались не только послания Ивана Грозного, для которых, действительно, был характерен саркастический смех, но и поступки царя, как они зафиксированы историческими источниками.

Лихачев говорил о преемственности своей концепции по отношению к идеям Бахтина¹². Между тем этот тезис нуждается в комментарии, так как между их теориями есть существенные различия.

Прежде всего, Лихачев писал, что древнерусский смех создавал «антимир». Как видно из названия, он представлялся как «изнаночный мир»¹³, «мир наоборот», где все не так, как следует. Согласно концепции Лихачева, «антимир» противостоял даже не реальному миру, а идеальному¹⁴. В качестве самого яркого образца «антимира» он анализировал «Азбуку о голом и небогатом человеке»¹⁵. Это памятник XVII в., где изображен бедняк, лишенный средств к существованию и несчастный. Азбукой произведение названо потому, что построено по алфавитному принципу: началом каждого абзаца служит слово на соответствующую букву алфавита по порядку — «аз», «буки» и т. д.¹⁶ «Азбука...» написана от лица бедняка; он говорит о себе так: «Аз есмь голоден и холоден, и наг и бос, и всем своим богатством недостаточен»; «Покою себе не обретаю, лапти и сапаги завсегда розбиваю, а добра себе не наживаю»¹⁷. Насмешка рассказчика над своим положением — для него самого, конечно, смех сквозь слезы. Об этом и других подоб-

¹¹ Большинство их было собрано в книге: Русская демократическая сатира XVII века. 1954: 5 — 131.

¹² Лихачев. 1973: 73; Лихачев, Панченко. 1976: 4, 9, 11 — 12.

¹³ Лихачев. 1973: 77 сл.; Лихачев, Панченко. 1976: 16 сл.

¹⁴ Лихачев. 1973: 80; Лихачев, Панченко. 1976: 21 — 22.

¹⁵ Русская демократическая сатира XVII века. 1954: 30 — 36.

¹⁶ По мнению В. П. Адриановой-Перетц, это пародия на учебную азбуку: Адрианова-Перетц. 1936: 156.

¹⁷ Там же: 30, 31.

ных произведениях Лихачев писал: «Изнаночный мир всегда плох. Это мир зла»¹⁸.

Между тем у Бахтина все было иначе. В его представлении смех не являлся выражением зла, воплощенное не народной смеховой, а официальной культурой, ей противоположной, с которой смех боролся. Смеховая же культура, напротив, несла свободу. Да, Бахтин считал средневековый смех амбивалентным, но эту амбивалентность он понимал так, что светлое начало было сильнее и важнее, чем темное. Даже сцены избиений у Рабле — и те, по его мнению, не имели отношения к действительному насилию, а были наделены символическим смыслом «смерти-возрождения»¹⁹.

Не менее существенно другое. По Лихачеву, отличие смеха Древней Руси от смеха Нового времени в том, что человек Средневековья смеялся главным образом над собой. Лихачев писал: «Авторы средневековых и, в частности, древнерусских произведений чаще всего смешат читателей непосредственно собой»²⁰. Тот же объект, на который был направлен смех, дискредитации не подвергался. Далее эта мысль выражена еще более определенно: «Смех направлен не на других, а на себя и на ситуацию, создающуюся внутри самого произведения»²¹. Эта особенность смеха Средних веков, как писал Лихачев, позволяет объяснить распространение в то время *parodia sasga*: поскольку смех был замкнут в сфере субъекта речи, он не затрагивал тот объект — текст, стиль или жанр, который подвергался пародированию. Поэтому древнерусские пародии на церковные тексты не заключали в себе кощунственного смысла.

Говоря о «направленности средневекового смеха по преимуществу против самого смеющегося»²², Лихачев приводил слова Бахтина: «Отметим важную особенность народно-праздничного смеха: этот смех направлен и на самих смеющихся»²³. Но в книге «Творчество Франсуа Рабле...» концепция была иной. По Бахтину, средневековый смех был направлен на все — на весь мир, а значит, в

¹⁸ Лихачев. 1973: 83. См. тж.: Лихачев, Панченко. 1976: 25.

¹⁹ Бахтин. 1965: 213 — 231. Вопрос о связи смеха и насилия в контексте концепции Бахтина вызвал дискуссию; ее обзор см.: Козинцев. 2007: 206 — 222.

²⁰ Лихачев. 1973: 74; Лихачев, Панченко. 1976: 9.

²¹ Лихачев. 1973: 77; Лихачев, Панченко. 1976: 14.

²² Лихачев. 1973: 74. В монографии формулировка мягче: «... в частности, и против самого смеющегося» (Лихачев, Панченко. 1976: 9).

²³ Лихачев. 1973: 74; Лихачев, Панченко. 1976: 9. См.: Бахтин. 1965: 15.

равной мере и на того, кто смеется. Смех в концепции Бахтина был всеобъемлющ, что и определяло то мировоззренческое значение, которое придавал ему мыслитель. Направленность смеха на самого смеющегося представляла как частный случай направленности на мир и никоим образом не исключала осмеяния всего окружающего. В этом исключении, действительно, не было никакой аксиологической необходимости: ведь Бахтин трактовал смех как благотворное начало.

Итак, представление Лихачева о средневековом смехе во многом отличалось от концепции Бахтина. Почему же он не подчеркивал различий, а словно затушевывал их? Быть может, потому, что источник этих различий заключался в том, о чем в 70е гг. было еще трудно говорить, — в религиозности. Лихачев писал: «Древнерусские люди в массе своей были, как известно, в достаточной степени религиозными»²⁴, очевидно, осознавая, что вера была не просто важным, но, по-видимому, центральным элементом средневековой культуры. Ему важно было найти для смеха место в религиозной картине мира, соединить смех и веру. Неслучайно завершающая глава в работе «Смех как мировоззрение» — «Юмор протопопа Аввакума»²⁵. В ней Лихачев показывал, что смех помогал Аввакуму не только преодолевать страх, но и побеждать гордыню и таким образом приобретал духовный смысл. Та же тенденция — объяснить специфику древнерусского смеха средневековой религиозностью — проявлялась и в работе Панченко «Смех как зрелище». Панченко показывал, что хотя юродивый и стремился вызвать смех окружающих, но правильно понять его поведение можно было лишь в рамках религиозного мышления. В книге Бахтина о Рабле, напротив, вопрос о роли веры в средневековой культуре не имел решающего значения²⁶. Что же касается церкви — Бахтин рассматривал ее как часть той официальной культуры, которую народ отвергал и с которой боролся при помощи смеха.

Не следуя концепции Бахтина, Лихачев вместе с тем не противопоставлял русскую средневековую культуру западноевропей-

²⁴ Лихачев. 1973: 75.

²⁵ См. тж. статью: Лихачев. 1977.

²⁶ См.: Гуревич. 1996: 12 — 13. Эта сторона бахтинской концепции смеха подверглась критике в работах: Лосев. 1978: 591 — 592; Аверинцев. 1992. О религиозной проблематике у Бахтина см. тж.: Турбин. 1990: 22 — 28; Бочаров. 1993: 79 — 83; Исупов. 1997: 6 — 14; Felch, Contino 2001; Bagshaw. 2013; Каути. 2019, 2021, 2022.

ской. Зарубежный материал остался за рамками рассмотрения; но такие выражения, как процитированное выше: «...средневековых и, в частности, древнерусских» — заставляют думать, что предполагалось скорее сближение, чем антитеза.

Эти два вопроса: о связи смеха с религиозностью и о соотношении русской культуры с западной — были так же важны для Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского. Но они, вступив в спор с Лихачевым и Панченко, дали на эти вопросы иные ответы.

Лотман и Успенский посвятили книге «Смеховой мир Древней Руси» рецензию в журнале «Вопросы литературы»²⁷ под названием «Новые аспекты изучения культуры Древней Руси». Ее авторы признавали заслуги Лихачева и Панченко, привлечших внимание к новой, ранее недостаточно изученной стороне древнерусской культуры. Однако понимать эту сторону, по мнению рецензентов, следовало иначе. Вслед за Лихачевым, придававшим особое значение *parodia sacra*, Лотман и Успенский сосредоточивали внимание на ситуациях профанации священного. Притом уже материал, на котором они демонстрировали это явление, оказался в значительной мере иным, нежели у Лихачева.

Если в работе «Смех как мировоззрение» преобладал анализ литературных памятников, то Лотман и Успенский обращались, прежде всего, к поведению, главным образом — к обряду. Лотман и Успенский справедливо отмечали как заслугу Лихачева и Панченко то, что они не ограничивали себя рассмотрением книжности: ведь культура не сводится к словесному творчеству, и литература отражает ее неполно. И все же смещение фокуса внимания заметно: у Лихачева литературный материал занимал центральное место, а у Лотмана и Успенского он оказался вытеснен на периферию. Таким образом, статья в «Вопросах литературы» выходила за рамки жанра рецензии: ее авторы не столько говорили о книге Лихачева и Панченко, сколько формулировали собственную концепцию.

Профанация сакрального — это переворачивание, можно сказать, пародирование. В этом сходство тех культурных явлений, о которых писали Лотман и Успенский, с теми, которые исследова-

²⁷ Лотман, Успенский. 1977 (а). Об истории создания этой работы см.: Лотман, Успенский. 2008: 297 — 299, 316; Лотман. 1997: 268. Библиографию других отзывов о книге Д. С. Лихачева и А. М. Панченко см.: Бобров. 2014: 7.

ли Лихачев и Панченко. Но и сам набор примеров в основном не совпадал, и название для этого феномена Лотман и Успенский предлагали другое: не «антимир», а «антиповедение»²⁸. Оно отвечало акциональной природе исследуемых объектов и в то же время подчеркивало различие концепций.

С точки зрения Лотмана и Успенского, смысл профанации сакрального в Средние века мог быть, в зависимости от ситуации, двояким. В одном случае это был намеренный вызов религии, так сказать, «ритуал наоборот». В другом — обращение к языческим обрядам. И в том и в другом случае мог звучать смех — но смех этот был совсем невеселым. Кошунство предполагало смех, понимаемый как атрибут нечистой силы. Тот, кто кошунствовал, не отвергал религиозной картины мира, но внутри нее выбирал сторону зла. Примером такого поступка в статье Лотмана и Успенского служило поведение Ивана Грозного и опричников, смеявшихся над страданиями своих жертв. Языческие ритуалы, например магические действия или святочное ряжение, были неизменно сопряжены со страхом перед теми мифическими силами, к которым обращались. Некоторые обряды предполагали смех²⁹ — но страха этот смех не отменял. Лотман и Успенский делали вывод: ни тот, ни другой случай «к «смеховой культуре» не относятся, ибо совершенно лишены основного ее элемента — комизма»³⁰.

Они считали эту категорию неприменимой и для характеристики юродства, о котором писал Панченко. Ведь поведение юродивого казалось смешным только тем, кто его не понимал. Те же, кому был ясен духовный смысл такого поведения, относились к нему серьезно, осознавая, что это — проявление святости.

В силу сказанного, как писали Лотман и Успенский, к русской культуре нельзя отнести разработанную Бахтиным концепцию карнавала³¹. Карнавал, как говорил о нем Бахтин, освобождал от страха — в русской же культуре освобождения не происходило. Смех и страх были неразделимы, поскольку в русской традиции, в отличие

²⁸См. тж.: Успенский. 1985.

²⁹Пропп. 1963: 68 — 104.

³⁰Лотман, Успенский. 1977 (а): 156.

³¹Об отношении Лотмана к концепции Бахтина (в основном к другим ее аспектам) см.: Лотман. 2002 (стенограмма доклада, сделанного на конференции в Иене в 1984 г.); Гржибек. 1995: 247 — 250; Bethea. 1997; Егоров. 1999: 243 — 258; Касавин. 2007; Автономова. 2009: 184 — 202, 238 — 242.

от западной, смех воспринимался как нечто недолжное.

Эти тезисы еще дальше уводили от концепций, сформулированных в книге «Смеховой мир Древней Руси». Общим оставался принцип инверсии — однако он реализовался на разном материале и с радикально различным смыслом. Саму идею смеха, центральную в работе Лихачева и определяющую (наряду с религиозной идеей) — в исследовании Панченко, Лотман и Успенский отвергали. В их понимании смех если и составлял часть ритуалов инверсии, «поведения наоборот», то демонстрировал разрыв формы и содержания; это был парадоксальный «смех без комизма».

Итак, статья «Новые аспекты изучения культуры Древней Руси» — это больше чем рецензия, а предмет ее — больше чем смех. Здесь отражено оригинальное видение русской культуры в целом. Но какое? Более полное представление об этом дают другие работы авторов.

Одна из них — тезисы доклада Лотмана о Гоголе в сборнике материалов симпозиума по вторичным моделирующим системам. Они были изданы в 1974 г., то есть еще за два года до выхода книги Лихачева и Панченко, на следующий год после публикации статьи Лотмана «Древнерусский смех». Это исследование Лихачева, несомненно, было известно Лотману, поскольку в том же сборнике «Проблемы поэтики и истории литературы», что и она, помещена была и программная работа Лотмана «О содержании и структуре понятия «художественная литература»». (В свою очередь, в названных материалах симпозиума вместе с работой Лотмана были напечатаны тезисы Лихачева «Бунт «крошечного» мира», где высказывались некоторые идеи, впоследствии развитые в работе «Смех как мировоззрение».) В тезисах еще не было прямой полемики с Лихачевым, но там уже закладывались основы той концепции древнерусского смеха, которая в дальнейшем отразится в рецензии «Новые аспекты...».

В тезисах Лотман говорил о том, что представления о смехе в русской и западной культуре принципиально различны. На Западе возможна амбивалентная оценка смеха, о которой говорил Бахтин. В русской традиции оценка всегда отрицательная; даже смеясь, человек понимает, что это грешно. Поэтому «если в изученной М. М. Бахтиным традиции смех отменяет страх, то в нашем случае смех

подразумевает страх»³².

Истолкование смеха и «поведения наоборот» представляло как часть общей концепции русской культуры в ее национальном своеобразии. Суть этой концепции становится яснее еще из одной статьи Лотмана и Успенского — «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)». Она была опубликована в том же 1977 г., что и рецензия на книгу Лихачева и Панченко, но не в Москве, а в Тарту, в «Ученых записках» университета³³.

В этой статье Лотман и Успенский писали о радикальном отличии русской культуры от западной. Заключается оно, по их мнению, в том, что в основе русской культуры лежит бинарная модель, тогда как базой западной служит модель тернарная. Тернарная модель состоит из двух противопоставленных друг другу крайних состояний и среднего, промежуточного между ними — нейтрального. В бинарной модели есть только крайности; середины между ними нет. Основной пример этого различия — представление о чистилище, характерное для католицизма, но чуждое православию.

Обе модели были рассмотрены прежде всего как аксиологические. Лотман и Успенский писали о том, что если в западной культуре наряду со сферами добра и зла есть и сфера ценностно нейтральная, то в русской культуре такой нейтральной области не существует. Поведение может быть или святым, или греховным; третьего не дано.

Идеей дуальности русской культуры Лотман и Успенский объясняли специфику русской истории. Эта специфика заключается, по их мнению, в скачкообразном характере развития, обусловленном тем, что переход в новое состояние предполагает разрыв с прошлым, более того — дискредитацию прошлого. В хронологических рамках статьи — до конца XVIII в. — исследователи выделяли два таких момента: христианизацию Руси и Петровские реформы.

Сформулированные в статье «Новые аспекты...» утверждения предстают как следствие теории дуальности. «Поведение наоборот», очевидно, важно в системе, где все, что не есть святость, определяется как грех. А смех, не будучи причастен святости, ока-

³² Лотман. 1974: 132.

³³ Лотман, Успенский. 1977 (6).

зывается замкнут в области греха и в силу этого лишен того освобождающего значения, о котором говорил Бахтин. Применимость идей Бахтина к западноевропейскому материалу Лотман и Успенский не оспаривали.

Можно сказать, что «Новые аспекты...» — изложение той же концепции, что «Роль дуальных моделей...». Те же идеи выражены здесь вкратце и вне характерной для структурно-семиотической школы формализованной стилистики. Это можно объяснить, во-первых, установкой на диалог с рецензируемой книгой, задавшей тему смеха как исходный пункт рассуждений, а во-вторых, обращением к более широкой аудитории, нежели та, которой адресовались малотиражные тартуские издания³⁴.

Как видно, стержневая идея концепции — противопоставление России и Запада³⁵. В тезисах о Гоголе и в «Новых аспектах...» она реализовалась в том, что западная культура описывалась с помощью концепции Бахтина, тогда как к русской его теория была признана неприложимой. В работе А. Я. Гуревича этот тезис подвергся критическому осмыслению.

Глава книги «Проблемы средневековой народной культуры», в которой Гуревич обратился к полемике о древнерусском смехе, называется «Верх» и «низ»: средневековый гротеск». Она посвящена той же ситуации «перевертывания», инверсии, о которой шла речь и в работе Лихачева «Смех как мировоззрение», и в рецензии Лотмана и Успенского. Понятие гротеска было одним из ключевых в книге Бахтина о Рабле, как и другая категория, обсуждаемая в этой главе, — амбивалентность. Но Гуревич придал этим понятиям иной смысл.

Диалог Гуревича с Бахтиным начался намного раньше — как только книга о Рабле вышла в свет. Гуревич выступил с рецензией на нее³⁶, которая стала одним из первых опытов критического истолкования этой работы.

С его точки зрения, несомненная ценность концепции Бахтина состояла в том, что она стимулировала исследовательскую мысль,

³⁴ Гаспаров. 1989: 11.

³⁵ О контексте этой идеи см.: Гаспаров. 1989: 9 — 11; Лотман. 1991: 92; Запечный, Песков. 1998: 378 — 381.

³⁶ Гуревич. 1966.

обращая внимание на обширный круг явлений, ранее долгое время остававшихся вне поля зрения ученых. Однако те выводы, к которым пришел Бахтин, Гуревич критиковал, показывая, что они не вполне соответствуют источникам. Он отмечал, что едва ли имеет исторические основания последовательное разграничение официальной и народной культуры, проводимое Бахтиным. Ведь проповедниками официальной культуры выступали клирики, среди которых было немало выходцев из низших сословий, а эти люди не могли не быть причастны народной культуре уже в силу первоначального воспитания. При этом, с одной стороны, средневековой религиозности на самом деле не чужды были «улыбка, шутка, смех»³⁷, а с другой стороны, народная культура не сводилась к культуре смеховой.

В дальнейшем вопросу о гротеске А. Я. Гуревич посвятил две статьи: в одной материалом стали эддические песни, в другой — латинские памятники, прежде всего *exempla*³⁸. Сопоставление этих двух групп источников позволило выявить общие закономерности средневекового мышления³⁹. Эти работы, в свою очередь, стали основой для глав в монографиях «Эдда» и сага» и «Проблемы средневековой народной культуры»⁴⁰.

А. Я. Гуревич также обратился, но уже на западноевропейском материале, к проблеме взаимодействия между смеховым и сакральным. Подобные примеры — образцы средневекового гротеска — нередки. Так, в одной из песен «Старшей Эдды», «Перебранке Локи», перечислены всевозможные позорные проступки асов — высших персонажей скандинавской мифологии. Все это звучит унизительно-комически⁴¹. В *exempla* не раз изображены смешными бесы⁴². Однако этот смех, как показал Гуревич, не отменял ни языческой веры древних скандинавов, ни страха средневековых христиан перед нечистой силой. Обусловленный самой сутью сакрального, страх был неустрашим. Самое большее, что было возможно, — смягчить его переживание. Это и делал средневековый смех.

³⁷ Гуревич. 1966: 208.

³⁸ Гуревич. 1975; 1976.

³⁹ См.: Гуревич. 1972: 20 — 22; подробнее: Гуревич. 2001.

⁴⁰ Гуревич. 1979: 71 — 90; 1981: 271 — 325.

⁴¹ Гуревич. 1979: 72 — 73, 78 — 85.

⁴² Гуревич. 1981: 289 — 301.

Согласно концепции А. Я. Гуревича, мироощущение людей Средних веков было амбивалентным. Амбивалентность он понимал не так, как М. М. Бахтин, для которого она означала скорее победу свободы над несвободой и смеха над страхом. У Гуревича она представляла нерасторжимое диалектическое единство противостоящих друг другу начал. Культура не разделялась на две сферы: официальную и народную, как это предлагал Бахтин; Гуревич показал, что в одних и тех же образах был заключен источник и страха, и смеха.

Эти выводы были сделаны в ходе изучения западноевропейского материала. Но они помогли объяснить и факты, известные из русских источников. Именно об этом говорил А. Я. Гуревич, вспоминая полемику о средневековом русском смехе, прежде всего статью «Новые аспекты...».

Он согласился с Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским в том, что средневековый человек, смеясь над сакральным, не выходил за пределы религиозного мировоззрения, а, напротив, по-новому утверждал его — утверждал путем отрицания. Но тезис о том, что так происходило лишь в Древней Руси, он оспорил. Ведь западноевропейские источники свидетельствуют, что отношение к сакральному и к смеху над сакральным на Западе в Средние века было в основе своей таким же.

Противопоставление русской и западной культур, которое проводили Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, стало возможным благодаря тому, что в понимании западной культуры они следовали за М. М. Бахтиным. Но А. Я. Гуревич предлагал пересмотреть концепцию Бахтина, а после этого для противопоставления не оставалось оснований.

Идея единства русской и западной культур в отношении к смеху возвращает нас к концепции Д. С. Лихачева, для которой их противопоставление было нехарактерно. Но смысл средневекового смеха А. Я. Гуревич понимал иначе. Лихачев замыкал негативистский импульс смеха в сфере субъекта, что позволяло снять заданный ситуацией внутренний конфликт. Гуревич, напротив, именно в этом конфликте видел суть средневекового смеха. Противоречие между переживанием сакральности и смеховым сомнением в ней диалектически разрешалось в новом, углубленном утверждении са-

кральной сущности.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Полемика о смехе на Руси объединила несколько вопросов: о природе смеха как такового, о специфике смеха в Средние века, о сущности «поведения наоборот» и, что важно, о своеобразии русской культуры. В центре дискуссии оказалась проблема профанации сакрального, его «переворачивания», пародирования.

Вслед за М. М. Бахтиным Д. С. Лихачев и А. М. Панченко видели в древнерусском смехе не национальную специфику, а стадиальную. Притом, в отличие от Бахтина, они рассматривали смех как одно из проявлений средневековой религиозности. Именно этим объяснялась специфика древнерусского смеха, не дискредитирующего свой объект.

Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский также приняли религиозную точку зрения как обязательную для средневекового человека. Однако они отдали первенство национальным различиям. Они полагали, что на Руси смех всегда считался греховным, а «поведение наоборот» оказывалось вызовом вере (и тем самым — ее признанием). Такое поведение могло соединяться со смехом, но было лишено комизма, безрадостно и мрачно. На средневековом Западе, по их мнению, было не так: там существовала чуждая Руси стихия веселья, о которой говорил Бахтин.

Наконец, А. Я. Гуревич показал, что, поскольку в Средние века на Западе и на Руси в равной мере господствовало религиозное миропонимание, близким было и отношение к смеху. Оно было амбивалентно — проникнуто напряженным драматизмом; страх перед сакральным и стремление к свободе от этого страха, неспособное, однако, его преодолеть, оказывались здесь неразрывно слиты. Таким образом, в концепции Гуревича специфика национальной культуры уступала место фундаментальному единству культуры мировой.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 7 — 19.

Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин

— Лотман — Гаспаров. М., 2009.

Адрианова-Перетц В. П. Очерки из истории русской сатирической литературы XVII в. (III — IV). III. Азбука о голом и небогатом человеке. IV. «Калязинская челобитная» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 153 — 193.

Бахтин М. М. Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь) // Контекст — 1972. Литературно-теоретические исследования. М., 1973. С. 248 — 259.

Бахтин М. М. Собрание сочинений: [в 7 т.]. Т. 4 (1): «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930 — 1950е гг.). Комментарии и приложения / Ред. тома И. Л. Попова. М., 2008.

Бахтин М. М. Собрание сочинений: [в 7 т.]. Т. 4 (2): Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса (1965). Рабле и Гоголь (искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970 гг.). Комментарии и приложение / Ред. тома И. Л. Попова. М., 2010.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Бобров А. Г. Смех в «Повести временных лет» // Русская литература. 2014. № 2. С. 5 — 21.

Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70 — 89.

Гаспаров Б. М. Тартуская школа 1960х годов как семиотический феномен // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1989. Bd. 23: А. М. Пятигорскому к шестидесятилетию. С. 7 — 21.

Гржибек П. Бахтинская семиотика и московско-тартуская школа // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1. С. 240 — 259.

Гуревич А. Я. Анкета «ДКХ» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 4 (17). С. 11 — 14.

Гуревич А. Я. История историка. М., 2004.

Гуревич А. Я. К истории гротеска. «Верх» и «низ» в средневековой латинской литературе // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 4. С. 317 — 327.

Гуревич А. Я. К истории гротеска. О природе комического в «Старшей Эдде» // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4. С. 331 — 342.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

Гуревич А. Я. Скандинавистика и медиевистика // Одиссей. Человек в истории. 2001: Русская культура как исследовательская проблема. М., 2001. С. 94 — 103.

Гуревич А. Я. Смех в народной культуре средневековья // Вопросы литературы. 1966. № 6. С. 207 — 213.

Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979.

Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869. (Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2).

Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999.

Зарецкий А. Р., Песков А. М. Имя мифа: к проблеме семиотики культуры [Рец. на кн.: Успенский Б. А. Избранные труды: В 3 т. М., 1996 — 1997] // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 367 — 390.

Исупов К. Г. Тезисы к проблеме: «М. Бахтин и советская культура» // Бахтинский сборник. М., 1997. Вып. 3 / Отв. ред. В. Л. Махлин. С. 4 — 20.

Касавин И. Т. М. Бахтин и Ю. Лотман. У истоков коммуникативно-семиотического подхода к языку и сознанию // Философские науки. 2007. № 12. С. 27 — 47.

Каутс Р. Христианство в творчестве Бахтина / Пер. с англ. свящ. Д. Барицкого // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2019. № 1 (1). С. 133 — 143.

Каутс Р. Христианство в творчестве Бахтина. Глава 1 (продолжение) / пер. с англ. М. В. Горбачевой, Е. И. Тереховой // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2021. № 1 (3). С. 132 — 151. DOI: 10.31802/WI.2021.3.1.013.

Каутс Р. Христианство в творчестве Бахтина / рус. пер. М. В. Горбачёвой, С. В. Бадучина, В. Е. Елиманова // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 2 (7). С. 123 — 130. DOI: 10.31802/WI.2022.7.2.009.

Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб., 2007.

Лихачев Д. С. Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы (сборник статей) / Отв. ред. С. С. Конкин. Саранск, 1973. С. 73 — 90.

Лихачев Д. С. Юмор протопопа Аввакума // Russian Literature. 1977. Vol. 5. No. 4. P. 373 — 387.

Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976.

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньирко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.

Лотман Ю. М. Гоголь и соотнесение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Вып. I (5). С. 131 — 133.

Лотман Ю. М. Заметки о тартуских семиотических изданиях // Труды по русской литературе и семиотике кафедры русской литературы Тартуского университета. 1958 — 1990. Указатели содержания. Тарту, 1991. С. 89 — 92.

Лотман Ю. М. Наследие Бахтина и актуальные проблемы семиотики / [пер. с нем. Т. Семеновой под ред. К. Баршта] // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 147 — 156.

Лотман Ю. М. Письма. 1940 — 1993 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. М., 1997.

(а) *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148 — 166.

(б) *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII. Литературоведение. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 414.) Тарту, 1977. С. 3 — 36.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Переписка / Сост. и примеч. О. Я. Кельберт, под ред. Б. А. Успенского. М., 2008.

Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М., 2009.

Паньков Н. А. Теория карнавала и «русское отношение к смеху» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2005. № 2. С. 60 — 73.

Петрухин В. Я. «Праздник» в средневековой Руси: к проблеме исторической специфики // Одиссей: Человек в истории / Гл. ред. А. Я. Гуревич. 2005: Время и пространство праздника. М., 2005. С. 81 — 88.

Попова И. Л. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М., 2009.

Пропп В. Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963.

Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954.

Серман И. З. Природа смеха по Лихачеву // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54: Памяти Д. С. Лихачева. С. 16 — 22.

Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси //

Проблемы изучения культурного наследия / Отв. ред. Г. В. Степанов. М., 1985. С. 326 — 336.

Турбин В. Н. Карнавал: религия, политика, теософия // Бахтинский сборник. М., 1990. Вып. 1 / Отв. ред. Д. Куюнджич, В. Л. Махлин. С. 6 — 29.

Bagshaw H. B. P. Religion in the Thought of Mikhail Bakhtin: Reason and Faith. Farnham, Surrey, England; Burlington, Vt., 2013.

Bethea D. M. Bakhtinian Prosaics versus Lotmanian «Poetic Thinking»: The Code and Its Relation to Literary Biography // Slavic and East European Journal. 1997. Vol. 41. No. 1. P. 1 — 15.

Felch S. M., Contino P. J. (eds.). Bakhtin and Religion: a Feeling for Faith. Evanston, Ill., 2001.

REFERENCES

Adrianova-Peretc V. P. Ocherki iz istorii russkoj satiricheskoy literatury XVII v. (III — IV). III. Azbuka o golom i nebogatom cheloveke. IV. «Kalyazinskaya chelobitnaya» // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. M.; L., 1936. T. 3. S. 153 — 193.

Averincev S. S. Bahtin, smekh, hristianskaya kul'tura // M. M. Bahtin kak filosof. M., 1992. S. 7 — 19.

Avtonomova N. S. Otkrytaya struktura: Yakobson — Bahtin — Lotman — Gasparov. M., 2009.

Bahtin M. M. Iskustvo slova i narodnaya smekhovaya kul'tura (Rable i Gogol') // Kontekst — 1972. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya. M., 1973. S. 248 — 259.

Bahtin M. M. Sobranie sochinenij: [v 7 t.]. T. 4 (1): «Fransua Rable v istorii realizma» (1940 g.). Materialy k knige o Rable (1930 — 1950 e gg.). Kommentarii i prilozheniya / Red. toma I. L. Popova. M., 2008.

Bahtin M. M. Sobranie sochinenij: [v 7 t.]. T. 4 (2): Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa (1965). Rable i Gogol' (iskustvo slova i narodnaya smekhovaya kul'tura) (1940, 1970 gg.). Kommentarii i prilozhenie / Red. toma I. L. Popova. M., 2010.

Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. M., 1965.

Bagshaw H.B.P. Religion in the Thought of Mikhail Bakhtin: Reason and Faith. Farnham, Surrey, England; Burlington, Vt., 2013.

Bakhtin and Religion: a Feeling for Faith / Eds. S.M. Felch, P.J. Contino. Evanston, Ill., 2001.

Bethea D.M. Bakhtinian Prosaics versus Lotmanian «Poetic Thinking»: The Code and Its Relation to Literary Biography // Slavic and East European Journal. 1997. Vol. 41. No. 1. P. 1 — 15.

Bobrov A.G. Smekh v «Povesti vremennyh let» // Russkaya literatura. 2014. № 2. S. 5 — 21.

Bocharov S.G. Ob odnom razgovore i vokrug nego // Novoe literaturnoe obozrenie. 1993. № 2. S. 70 — 89.

Egorov B.F. Zhizn' i tvorchestvo Yu.M. Lotmana. M., 1999.

Gasparov B.M. Tartuskaya shkola 1960 h godov kak semioticheskij fenomen // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1989. Bd. 23: A.M. Pyatigorskemu k shestidesyatiletiju. S. 7 — 21.

Grzhibek P. Bahtinskaya semiotika i moskovsko-tartuskaya shkola // Lotmanovskij sbornik. M., 1995. Vyp. 1. S. 240 — 259.

Gurevich A.Y. Anketa «DKKH» // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1996. № 4 (17). S. 11 — 14.

Gurevich A.Y. Istoriya istorika. M., 2004.

Gurevich A.Y. K istorii groteska. «Verh» i «niz» v srednevekovoj latinskoj literature // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1975. T. 34. № 4. S. 317 — 327.

Gurevich A.Y. K istorii groteska. O prirode komicheskogo v «Staršej Edde» // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1976. T. 35. № 4. S. 331 — 342.

Gurevich A.Y. Kategorii srednevekovoj kul'tury. M., 1972.

Gurevich A.Y. Problemy srednevekovoj narodnoj kul'tury. M., 1981.

Gurevich A.Y. Skandinavistika i medievistika // Odissej. Chelovek v istorii. 2001: Russkaya kul'tura kak issledovatel'skaya problema. M., 2001. S. 94 — 103.

Gurevich A.Y. Smekh v narodnoj kul'ture srednevekov'ya // Voprosy literatury. 1966. № 6. S. 207 — 213.

Gurevich A.Y. «Edda» i saga. M., 1979.

Isupov K.G. Tezisy k probleme: «M. Bahtin i sovetskaya kul'tura» // Bahtinskij sbornik. M., 1997. Vyp. 3 / Otv. red. V.L. Mahlin. S. 4 — 20.

Kasavin I.T. M. Bahtin i Yu. Lotman. U istokov kommunikativno-semioticheskogo podhoda k yazyku i soznaniyu // Filosofskie nauki. 2007. № 12. S. 27 — 47.

Kauts R. Hristianstvo v tvorchestve Bahtina / Per. s angl. svyashch. D. Barickogo // Slovo i obraz. Voprosy izucheniya hristianskogo literaturnogo naslediya. 2019. № 1 (1). S. 133 — 143.

Kauts R. Hristianstvo v tvorchestve Bahtina. Glava 1 (prodolzhenie) / Per. s angl. M.V. Gorbachevoj, E.I. Terekhovej // Slovo i obraz. Voprosy izucheniya hristianskogo literaturnogo naslediya. 2021. № 1 (3). S. 132 — 151.

Kauts R. Hristianstvo v tvorchestve Bahtina / Rus. per. M.V. Gorbachyovoj, S.V. Badukina, V.E. Elimanova // Slovo i obraz. Voprosy izucheniya hristianskogo literaturnogo naslediya. 2022. № 2 (7). S. 123 — 130.

Kozincev A.G. Chelovek i smekh. SPb., 2007.

Lihachev D.S. Drevnerusskij smekh // Problemy poetiki i istorii literatury (sbornik statej) / Otv. red. S.S. Konkin. Saransk, 1973. S. 73 — 90.

Lihachev D.S. Yumor protopopa Avvakuma // Russian Literature. 1977. Vol. 5. №. 4. P. 373 — 387.

Lihachev D.S., Panchenko A.M. «Smekhovoj mir» Drevnej Rusi. L., 1976.

Lihachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Smekh v Drevnej Rusi. L., 1984.

Losev A.F. Estetika Vozrozhdeniya. M., 1978.

Lotman Yu.M. Gogol' i sootnesenie «smekhovoj kul'tury» s komicheskim i ser'eznym v russkoj nacional'noj tradicii // Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruyushchim sistemam. Tartu, 1974. Vyp. I (5). S. 131 — 133.

Lotman Yu.M. Zametki o tartuskikh semioticheskikh izdaniyah // Trudy po russkoj literature i semiotike kafedry russkoj literatury Tartuskogo universiteta. 1958 — 1990. Ukazateli sodержaniya. Tartu, 1991. S. 89 — 92.

Lotman Yu.M. Nasledie Bahtina i aktual'nye problemy semiotiki / Per. s nem. T. Semenovoj pod red. K. Barshta // Lotman Yu.M. Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury. SPb., 2002. S. 147 — 156.

Lotman Yu.M. Pis'ma. 1940 — 1993 / Sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. B.F. Egorova. M., 1997.

(a) *Lotman Yu.M., Uspenskij B.A.* Novye aspekty izucheniya kul'tury Drevnej Rusi // Voprosy literatury. 1977. № 3. S. 148 — 166.

(b) *Lotman Yu.M., Uspenskij B.A.* Rol' dual'nyh modelej v dinamike russkoj kul'tury (do konca XVIII veka) // Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. XXVIII. Literaturovedenie. (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 414.) Tartu, 1977. S. 3 — 36.

Lotman Yu.M., Uspenskij B.A. Perepiska / Sost. i primech. O.Ya. Kel'bert, pod red. B.A. Uspenskogo. M., 2008.

Pan'kov N.A. Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bahtina. M., 2009.

Pan'kov N.A. Teoriya karnavala i «russkoe otnoshenie k smekhu»

// Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2005. № 2. S. 60 — 73.

Petruhin V. Ya. «Prazdnik» v srednevekovoj Rusi: k probleme istoricheskoy specifiky // Odissey: Chelovek v istorii / Gl. red. A. Y. Gurevich. 2005: Vremya i prostranstvo prazdnika. M., 2005. S. 81 — 88.

Popova I. L. Kniga M. M. Bahtina o Fransua Rable i ee znachenie dlya teorii literatury. M., 2009.

Propp V. Ya. Russkie agrarnye prazdniki (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya). L., 1963.

Russkaya demokraticeskaya satira XVII veka / Podgot. tekstov, st. i komment. V. P. Adrianovoj-Peretc. M.; L., 1954.

Serman I. Z. Priroda smekha po Lihachevu // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. SPb., 2003. T. 54: Pamyati D. S. Lihacheva. S. 16 — 22.

Turbin V. N. Karnaval: religiya, politika, teosofiya // Bahtinskij sbornik. M., 1990. Vyp. 1 / Ot v. red. D. Kuyundzhich, V. L. Mahlin. S. 6 — 29.

Uspenskij B. A. Antipovedenie v kul'ture Drevnej Rusi // Problemy izucheniya kul'turnogo naslediya / Ot v. red. G. V. Stepanov. M., 1985. S. 326 — 336.

Zabelin I. Domashnij byt russkih caric v XVI i XVII st. M., 1869. (Domashnij byt russkogo naroda v XVI i XVII st. T. 2).

Zareckij A. R., Peskov A. M. Imya mifa: k probleme semiotiki kul'tury [Rec. na kn.: Uspenskij B. A. Izbrannye trudy: V 3 t. M., 1996 — 1997] // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 32. S. 367 — 390.